CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(3), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
heck for updates

Слезин А. А. Межпоколенческий разлом российской деревни : влияние «антирелигиозного наступления» коммунистической молодежи на рубеже 1920—1930-х годов / А. А. Слезин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 446—477. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-446-477.

Slezin, A. A. (2023). Intergenerational Rift in Russian Village: Impact of "Anti-Religious Offensive" of Communist Youth at Turn of the 1920—1930s. *Nauchnyi dialog, 12* (3): 446-477. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-446-477. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-446-477

Межпоколенческий разлом российской деревни: влияние «антирелигиозного наступления» коммунистической молодежи на рубеже 1920—1930-х годов

Слезин Анатолий Анатольевич
orcid.org/0000-0002-9559-7553
доктор исторических наук, профессор,
кафедра «История и философия»
anatoly.slezin@yandex.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда
проект № 22-18-00132
https://rscf.ru/project/22-18-00132/

Intergenerational Rift in Russian Village: Impact of "Anti-Religious Offensive" of Communist Youth at Turn of the 1920—1930s

Anatoly A. Slezin
orcid.org/0000-0002-9559-7553
Doctor of History, professor,
Department of History and Philosophy
anatoly.slezin@yandex.ru

Tambov State
Technical University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-18-00132,
https://rscf.ru/project/22-18-00132/

© Слезин А. А., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу взаимоотношений в духовной сфере представителей крестьянского поколения «революционного перелома» (родившихся на рубеже XIX—XX веков) и комсомольцев из поколения «детей революции» (их детство пришлось на первые послереволюционные годы) в начальный период массовой коллективизации СССР. Показаны глубокие демографические изменения в постреволюционной России, усиление роли молодежи на селе. Проведен статистический анализ сельских комсомольских организаций. Молодежь рассматривается как демографическая группа, формировавшая критическое отношение к религии. Комсомол признается организацией, перевернувшей поколенческую иерархию российского села. Большое внимание уделено роли Союза воинствующих безбожников в привлечении молодежи к активной антирелигиозной деятельности. Приоритет отдан изучению реакции крестьян на антирелигиозную деятельность молодежи. Показано, что духовное наследие, которое по правилам преемственности развития поколение «революционного перелома» призвано было передать своим преемникам, в реальной жизни активными представителями младшего поколения было отвергнуто. С точки зрения автора, участие молодежи в «антирелигиозном наступлении» является одним из решающих факторов усиления межпоколенческого разлома, ставшего очевидным еще в предыдущее десятилетие.

Ключевые слова:
поколения; отцы; молодежь; комсомол; село; крестьяне; религия; безбожники; коллективизация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the analysis of the relationship in the spiritual sphere between the representatives of the peasant generation of the “revolutionary turning point” (born at the turn of the XIX—XX centuries) and Komsomol members from the generation of “children of the revolution” (their childhood fell on the first post-revolutionary years) in the initial period of mass collectivization of the USSR. The deep demographic changes in post-revolutionary Russia, the strengthening of the role of youth in the countryside are shown. A statistical analysis of rural Komsomol organizations was carried out. Young people are seen as a demographic group that has formed a critical attitude towards religion. Komsomol is recognized as an organization that turned the generational hierarchy of the Russian village. Much attention is paid to the role of the Union of Militant Atheists in attracting young people to active anti-religious activities. Priority is given to studying the reaction of peasants to the anti-religious activities of youth. It is shown that the spiritual heritage, which, according to the rules of continuity of development, the generation of the “revolutionary turning point” was called upon to pass on to its successors, was rejected in real life by active representatives of the younger generation. From the author’s point of view, the participation of young people in the “anti-religious offensive” is one of the decisive factors in the strengthening of the intergenerational rift, which became apparent even in the previous decade.

Key words:
generations; fathers; the youth; Komsomol; village; peasants; religion; atheists; collectivization.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(3), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).084.6:27-1

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Межпоколенческий разлом российской деревни: влияние «антирелигиозного наступления» коммунистической молодежи на рубеже 1920—1930-х годов

© Слезин А. А., 2023

1. Введение = Introduction

В данной статье выясняется, какое влияние на конфликт поколений в российской деревне оказали отношения между молодыми «безбожниками» и верующими на начальном этапе массовой коллективизации в СССР.

Основное внимание уделялось взаимоотношениям крестьян поколения «революционного перелома» с активными представителями поколения «детей революции».

Понятия «революционный перелом» и «поколение революционного перелома» предложил Ю. А. Левада. Под понятием «революционный перелом» он подразумевает исторический период («условно») 1905—1930 годов. «Активные участники (и жертвы) переломного периода, — утверждает Ю. А. Левада, — люди, родившиеся примерно в 90-х годах XIX века» [Левада, 2001, с. 7]. Обращая внимание на слово «примерно» в определении Ю. А. Левады, считаем правомерным расширение указанных хронологических границ.

«Детьми революции» называем тех, чье детство прошло в России после 1917 года. В юношеском возрасте активные представители этого поколения нередко вступали в комсомол и Союз воинствующих безбожников.

Выявление причин обострения межпоколенческого конфликта в российской деревне (в том числе антирелигиозной деятельности молодежи начального периода массовой коллективизации) имеет важную актуальность в связи с необходимостью поиска соответствующей современным запросам государства и общества модели воспитания.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основополагающими для исследования стали тезис Т. Шанина, считавшего, что без изучения поколенческой истории научная картина прошлого будет не вполне четкой [Шанин, 2005, с. 11], а также утвердившийся в современной историографии вывод о том, что взаимоотношения «отцов» и «детей» в крестьянской среде после революции 1917 года привели к глу-

CC BY

бокому разлому, разрыву поколений [Асташов, 2022; Левада, 2005; Мищенко, 2020; Рожков, 2016; Слезин, 2023].

Поколения целесообразно воспринимать прежде всего как общности современников, сформировавшиеся в определенных исторических условиях, под влиянием значимых исторических событий, независимо от их хронологического возраста. При этом важно выделение Ю. А. Левадой таких феноменов, как «ключевые» поколения, «разрывы» и конфликты между поколениями. Актуален и вывод М. Мид, связывающей общественное предназначение молодежи с «социальным бульдозированием», расчисткой почвы для будущего общества [Mead, 1970]. Немецкий социолог К. Мангейм резонно утверждал, что в каждом поколении может быть много разных секций (даже антагонистических), но «совместно они составляют “реальное” поколение как раз потому, что ориентированы друг на друга, хотя бы даже в плоскости борьбы друг против друга» [Мангейм, 2000, с. 40].

Для осмысления межпоколенческого разлома большое значение имеют публикации об общественных настроениях крестьянства [Кедров, 2013; Кузнецов, 2013; Надеждина, 2010; Покровская, 2022; Ченская, 2014], о роли молодежи в коллективизации [Андриец, 2016; Игнатьева, 2020; Исаев, 2002; Панарин, 2012; Kuhr-Korolev C., 2005] и в антирелигиозной деятельности [Грищенко, 2017; Дианова, 2020; Каиль, 2010; Сахарова, 2011; Соболева, 2014]. Недавно были опубликованы обзоры современной литературы о роли поколения «революционного перелома» и молодежи в судьбе русской деревни первой трети XX века [Вязинкин, 2022; Слезин, 2022].

Особое внимание обратим на публикацию Д. А. Сафонова [Сафонов, 2022], который убедительно показал, что уже первые комсомольцы вступили в серьезный мировоззренческий конфликт с представителями старших поколений. Ценности, которые для их родителей оставались в массе своей незыблемыми, в сознании их детей теряли свою исключительность. Тем не менее, являясь составной частью поколения «революционного перелома», комсомольцы «первого призыва» составляли в нем малозаметное меньшинство.

Источниковой базой исследования стали как архивные документы, так и материалы печатных изданий конца 1920—1930-х годов, многие из которых ранее находились в режиме специального хранения, были недоступны для широкого использования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Молодежь и комсомол в российской деревне накануне и в начале массовой коллективизации

При анализе межпоколенческих отношений нельзя не учитывать, что Революция и Гражданская война принесли существенные демографические

CC BY

изменения. В доколхозной деревне молодежь составляла большинство населения. Причем в 1927 году из общего числа юношей и девушек 14—23 лет (29,7 миллиона человек) 7,4 % (около 2 миллионов человек) составляли комсомольцы [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 665а, л. 5]. Вроде бы делать ставку на важную роль комсомола в деревне при такой статистике весьма затруднительно. Однако необходимо учесть, что в начале 1927 года сельских комсомольских ячеек было на 27 950 больше, чем партийных [Справочник …, 1930, с. 379]. На 1 января 1928 года в союзе насчитывалось 700 ячеек при колхозах, в них числилось 36 468 человек [Итоги …, 1931, с. 66].

В мае 1928 года VIII съезд ВЛКСМ наиболее острой назвал «проблему переделки людского материала, искоренения старых традиций, навыков и привычек и выработки новых взглядов на труд и взаимоотношения между людьми» [ВЛКСМ …, 1929, с. 101]. Однако говорить о том, что в это время антирелигиозная работа была одним из приоритетных направлений комсомольской деятельности, было бы неправильным. Из 2 миллионов комсомольцев в Союзе безбожников (СБ) состояло не более 80 тысяч [Воинствующее безбожие …, 1932, с. 309]. VIII съезд ВЛКСМ поставил цель добиться решительного перелома в антирелигиозной работе, противопоставив деятельности религиозных организаций вовлечение широких масс крестьянства в общественно-политическую жизнь, разумную организацию досуга, борьбу с пьянством, развитие радио и кино. В национальной деревне комсомол к тому же нацеливался на создание препятствий созданию религиозных школ.

По данным 1929 года, 60 % первичных организаций ВЛКСМ находились в селах, где партийных ячеек не было. Сельских комсомольских ячеек было больше партийных на 30 тысяч. Количество комсомольцев в деревне в четыре раза превышало численность коммунистов [Очерки …, 1991, с. 111]. Линн Виола (Канада), анализируя российскую действительность, справедливо заявляет: «Сельский комсомол представлял активную и для многих взрослых ненавистную силу крестьянской политики, которую, как правило, было слышно и видно лучше, чем сельский актив компартии» [Виола, 2010, с. 67].

Ключевым фактором приема новых членов в деревенские организации с началом массовой коллективизации стало вступление кандидата и его родителей в колхоз. Одновременно расширять состав и сохранять преобладающее бедняцко-батрацкое ядро было весьма затруднительно. Поэтому критерии приема в комсомол были вынуждены дифференцировать в зависимости от темпов проведения в регионе коллективизации. Однако вскоре борьба за темпы роста стала превалировать над опасениями «осереднячить» деревенские ячейки [Ипполитов, 2016, с. 127].

По данным на 1 января 1930 года, всего насчитывалось 2 миллиона 466 тысяч членов и 62,2 тысячи кандидатов в члены ВЛКСМ. 75,4 % со-

CC BY

ставляли юноши, 24,6 % — девушки. 13,4 % членов ВЛКСМ числились батраками, 32,2 % — бедняками, 1,7 % — середняками [Справочник …, 1930, с. 382—383]. На 1 апреля 1930 года комсомольские ячейки были созданы при 40 % колхозов. Колхозная молодежь была охвачена комсомолом на 10,5 % [Ежегодник …, 1931, с. 568].

К тому же обратим внимание на то, что в это время происходило значительное омоложение состава ВЛКСМ. На 1 июня 1930 года в ВЛКСМ насчитывалось 28 885 697 юношей и девушек, из них 16-летних 421 312, 17—20 лет — 1 024 432, 21—22 года — 958 052, 23 и более лет — 481 911 [Островский, 1953, с. 24]. Далее ускоренный рост организации способствовал еще большему ее омоложению. С одной стороны, это тревожило руководство партии и комсомола, так как преобладающие среди младших комсомольцев учащиеся считались менее надежной социальной категорией по сравнению с рабочими и колхозниками. С другой стороны, власть все более рьяно привлекала молодых активистов к участию в «обезбоживании» села на основании того, что у представителей младших поколений меньше предрассудков, их проще вовлечь в конфронтацию с верующими крестьянами.

Разнице в мировосприятии поколений «детей революции» и «революционного перелома» способствовало то, что многие комсомольцы использовали ВЛКСМ как социальный лифт, позволяющий освободиться от тяжелого крестьянского труда. Поэтому к концу 1920-х годов среди крестьян поколения «революционного перелома» бывших комсомольцев можно было встретить очень редко.

Возмужавшие крестьяне поколения «революционного перелома» оказались в положении, когда материальное и духовное наследие, которое по правилам преемственности развития они были призваны передать своим преемникам, в реальной жизни младшим поколением (в первую очередь — новыми комсомольцами) отвергалось. В частности, именно «молодежь становилась той демографической группой, которая формировала критическое отношение к вере» [Чирков, 2019, с. 323].

Негативное влияние насильственной коллективизации проявилось в усилении процессов маргинализации и девиации среди сельской молодежи. В связи с этим в настроениях и действиях молодежи доминирующими становились применение насилия, отношение к альтернативному мировосприятию (в том числе крестьян поколения «революционного перелома») как к враждебному, недопустимому.

3.2. Антирелигиозный аспект «великого перелома»

Коллективизация сельского хозяйства в СССР стала определяющим фактором активизации антирелигиозной деятельности на рубеже 1920—1930-х годов. «Массовый загон крестьян в сталинские колхозы был не-

CC BY

возможен без подрыва духовной основы самого бытия крестьянина на селе — без массированного удара по религии и Церкви» [Курляндский, 2011, с. 430]. 1929 год стал переломным годом и в церковно-государственных отношениях в СССР.

Печать убеждала, что религиозные организации идеологизируют и усиливают кулачество. Перед комсомольцами ставилась задача «разоблачать духовенство как защитника интересов кулачества» [Воинствующее безбожие …, 1932, с. 334]. Обращение к Богу называлось «отвратительной картиной унижения человеческого достоинства» [Дорогие братья …, 1928].

Руководство партии и комсомола было уверено, что комсомол, имеющий более широкую по сравнению с ВКП(б) социальную базу, в значительно большей степени подвержен опасности уклонов от ленинизма. Религиозность комсомольцев напрямую связывалась с правым уклоном. Выявлявшие верующих «чистки» комсомольских рядов завершались массовыми исключениями из союза. Преступными объявлялись как религиозные чувства самих юношей и девушек, так и их связи со священнослужителями. Преследовалось даже пассивное участие в религиозных обрядах.

В духе времени СБ также развернул борьбу с правым уклоном. Под уклонением от ленинской линии вправо понимали прежде всего отказ от борьбы с религией, потворствование кулакам, религиозным и антисоветским элементам. Административные перегибы связывались с левой опасностью. Причем провозглашалось: «Левые загибы укрепляют влияние кулака на массы верующих и в конечном счете создают ту же правую опасность» [Красноармейский антирелигиозный учебник …, 1931, с. 228].

Именно это время отмечено бурным ростом безбожных колхозов — хозяйств, где отказались не только от церквей, но и от религиозных обрядов и традиций («без бога, но с агрономом») [Воинствующее безбожие …, 1932, с. 199—217]. Стали также организовывать безбожные совхозы и МТС. Если не удавалось объявить безбожным все хозяйство, создавали безбожные ударные бригады, бравшие обязательства не только по выполнению производственных заданий, но и по антирелигиозной работе среди сельчан.

Гулянки молодежи приспосабливались к антирелигиозной пропаганде с помощью внедрения в них антирелигиозных песен, игр, юмора, использования специальных библиотечек и выставок.

Черты новой религии можно увидеть в публикациях, утверждающих, что священники и попы, как бесы и антихрист, могут вызывать болезни у советского человека. Правы современные исследователи А. Л. Новоселов и А. А. Сальникова, утверждающие, что происходила «замена религиозного чуда “советским чудом”» [Новоселов, 2020, с. 84]. Сами крестьяне похожесть религии и коммунистической пропаганды связывали прежде

CC BY

всего с обещаниями светлого будущего на фоне суровой реальности [Большаков, 1925, с. 204].

В качестве мощного пропагандистского инструмента безбожники все активнее использовали радио и кино. Центральный совет СБ считал, что радио одним лишь фактом своего существования «оказывает огромное революционизирующее влияние на сознание отсталых слоев трудящихся» [ГАРФ, ф. 5407, оп. 1, д. 25, л. 34]. С 1928 года центральное радио регулярно включало в программы антирелигиозные передачи.

Правда, среди крестьян нередко вызывало серьезное противодействие намерение сельской молодежи установить радиоантенны на колокольнях. В селе Ямский Посад Алатырского района дошло, например, до прямых столкновений крестьян с комсомольцами и радиотехником. Подчас неграмотные крестьяне верили священнослужителям, настраивающим их против радио. Например, в Невельском районе Великолукского округа крестьяне в период затяжных дождей поверили слуху о притягивании радио дождей и грозили уничтожить все радиоустановки. В ряде мест, например чувашском селе Ивановке, власти организовали суды, где священников обвиняли в препятствовании установке антенн и распространении нелепых слухов [Чудновцев, 1930, с. 12].

Говоря о ценности и доступности кино, к тому же надо учесть, что беднейшая часть деревенских жителей пропускалась на киносеансы бесплатно, для подростков цена была минимальной. Эффект кинопропаганды старались усилить лекционными выступлениями перед сеансами. Но из-за нехватки грамотных пропагандистов значительно большее распространение получило групповое чтение газет и журналов на дому, в избах-читальнях и клубах.

Была усилена роль агитационных судов, сценарии которых издавались массовыми тиражами и, как правило, содержали и антирелигиозный материал [Голубь, 1930; Григорьев, 1929; Ершов, 1930; Инденбом, 1929].

В видении руководства комсомола, сплошной характер должна была носить не только коллективизация, но и «атеизация» деревни. Комсомольские лидеры призывали добиться, чтобы везде, где работают комсомольские ячейки, создавались и ячейки Союза безбожников (СБ) [ГАСПИТО, ф. П-1214, оп. 1, д. 31, л. 8]. Руководство СБ ставило вопрос о «более твердой установке» в отношениях с крестьянством на «антирелигиозном фронте» [III Всесоюзное совещание …, 1928].

В соответствии с решением своего II съезда СБ в июле 1929 года был переименован в Союз воинствующих безбожников (СВБ). Материалы съезда рекомендовали изучать во всех сельских школах, ставилась цель уяснить основное положение работы СВБ: «Борьба против религии —

CC BY

борьба за социализм». Перед школьными ячейками СВБ была поставлена задача создать родительские секции. После съезда обычными стали «добровольно-принудительные вербовки», ставившие целью не оставить без ячеек СВБ ни одного совхоза или колхоза, ни одной школы. Если на 1 января 1926 года в союзе было 87 тысяч членов, то к 1 января 1929 года — 465 тысяч. За 1929 год СВБ вырос до 700 тысяч [Ярославский, 1933, с. 284]. В РСФСР крупнейшими в СВБ стали организации Нижневолжского края и Центрально-Черноземной области.

3.3. Начальный этап воинствующего безбожия

11 июля 1929 года Бюро ЦК ВЛКСМ утвердило новое постановление об усилении антирелигиозной работы, а 2 ноября 1929 года совместно с Центральным Советом СВБ объявило «*всесоюзное антирелигиозное наступление*» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 801, л. 103]. Его штаб под руководством Е. Ярославского приверженцев той или иной религии считал классовыми врагами, чем и оправдывался радикальный характер действий.

Целых три месяца отвели кампании по продвижению безбожной книги. Организовывались выставки антирелигиозной литературы, книжные киоски по ее распространению. Однако содержание антирелигиозной литературы, как правило, очень тяжело воспринималось слушателями разных возрастов. Если младшие сельчане обычно воспринимали его на веру, слепо повторяя, взрослые крестьяне пытались задавать вопросы, но чаще всего вразумительных ответов не получали. Не смогла оказать серьезное влияние на крестьянство и стенная печать: селькорам элементарно не хватало ни общих, ни атеистических знаний.

СВБ выпускал 14 антирелигиозных журналов и газет. Тираж газеты «Безбожник» с 1927 по 1931 годы вырос с 62,5 тыс. до полумиллиона экземпляров. Тираж издававшегося с января 1925 года журнала «Безбожник» к 1931 году достиг 200 тысяч экземпляров. Среди рубрик «Безбожника»: «По деревням», «Деревенская тьма», «Молодежь и религия». В 1928—1932 годах выходил журнал «Деревенский безбожник». Его тираж вырос с 5 до 50 тысяч экземпляров [Воинствующее безбожие …, 1932, с. 391]. Количество антирелигиозного материала по всем издательствам СССР только за 1931 год составило 313 названий тиражом в 12 миллионов экземпляров [Там же, с. 392]. Упор в пропаганде делался на выявление вреда и классовой сущности религии. Рассказывалось, как кулаки и священники подрывали авторитет колхозов, агитировали против советской власти. Создавался отталкивающий образ священнослужителя, беззастенчиво наживающегося в первую очередь на трудолюбивых крестьянах. Хамский и неуважительный характер обычно имели рисунки, высмеивающие религиозные праздники [Карлявина, 2019].

CC BY

Комсомольцы настойчиво пытались внедрить в сельскую жизнь самодеятельные театральные постановки. Так, заведующий избой-читальней в чувашском селе Ходары написал ряд пьес на актуальные темы из жизни деревни. Самодеятельность так заинтересовала местных крестьян, что многие из них в дни религиозных праздников предпочитали смотреть спектакли [Евдокимова, 2019, с. 174]. Впрочем, далеко не всегда спектакли вызывали интерес даже у невзыскательной сельской публики. По крайней мере, на антирелигиозных спектаклях, как правило, среди зрителей преобладала молодежь.

Чуть ли не повсеместно устраивали антирелигиозные красные уголки. А в некоторых селах использовались и передвижные музеи, агитационные поезда, организовывались экскурсии в антирелигиозные музеи (в 1931 году в городах их насчитывалось 77 [ГАРФ, ф. 5407, оп. 1, д. 94, л. 4]).

В школах безрелигиозное воспитание вытеснили антирелигиозным [Шевченко, 2007]. Религиозных учителей комсомольские организации отмечали как «дезертиров антирелигиозного фронта», передавали компрометирующие сведения о них в государственные органы, в том числе и в Наркомпрос. Учителям в методических изданиях рекомендовалось расспрашивать учащихся о «верованиях сельского населения». Занятия спортом тоже преподносились как противовес религии. Крестьянам внушалось, что до революции их нарочно «дурманили религией», а теперь можно будет заниматься полезным отдыхом, в том числе физкультурой и спортом. Неслучайно выступления физкультурников, как правило, стали включать в программы антирелигиозных вечеров.

Происходили большие изменения в повседневной жизни. Термин «праздники» официально был заменен на «революционные дни», их количество кардинально сокращалось. Предпринимались меры по запрету не только массовых празднований, но и просто отдыха в дни религиозных праздников. Комсомольцев обязывали добиваться поголовного выхода родителей на работу в дни религиозных праздников.

Экспериментирование в данном направлении продолжилось введением сначала пятидневной, а затем шестидневной рабочей недели. Е. Замятин отмечал в связи с этим деформации общественного сознания молодежи: «Попробуйте спросить советского школьника: “Какой сегодня день?” — три четверти вам не ответят на этот вопрос» [Замятин, 1990, с. 75].

Была развернута кампания по сбору молодежью металлолома, в разряд которого попадали кладбищенские ограды, снятые с колоколен колокола. Данная кампания демонстрировала отвратительные примеры бесхозяйственности, когда много собранного металла подолгу валялось под открытым небом. Передача на переплавку металлических крестов и памятников

CC BY

способствовала закреплению в менталитете молодежи отнюдь не соответствующего традиционному мировосприятию крестьянства отношения к смерти. М. В. Пономарев пишет: «Такое надругательство над местами погребений, оправдываемое “производственной необходимостью”, сочеталось с культом “великих могил вождей”, “борцов за революцию”. Таким образом, в Советской России смерть явно окрашивалась в политические тона. Величие смерти признавалось и считалось необходимым лишь в том случае, если из жизни уходил человек, социально значимый в новом обществе» [Пономарев, 2009, с. 219].

Если в период провозглашения политики «лицом к деревне» молодежный актив пытался отказаться от карнавалов из-за частых конфликтов с верующими крестьянами, теперь организаторы новых шествий и карнавалов нарочно провоцировали конфликты. Традиционными стали коллективные катания с гор, лепка из снега фигур служителей культа с их последующим торжественным уничтожением, семейные вечера с коллективным чтением, антирелигиозные детско-молодежные утренники, вечера, беседы с приглашением родителей. Антирождественские мероприятия имели невиданный доселе размах и, как правило, завершались сожжением не только кукол, изображавших святых и священнослужителей, но и икон. Комсомольцы и другие юные члены СВБ наряжались в «попов» и «монахов», пели антирелигиозные частушки. К рождественским дням были приурочены не только конкурсы гармонистов и исполнителей антирелигиозных песен и стихотворений, но и соревнования по сдаче икон, церковных книг.

Комсомольская печать «отчитывалась» о праздниках, сообщая, сколько проведено антирелигиозных мероприятий, скольких людей они обслужили, какую «большую пользу» принесли. В то же время сообщали о том, сколько полезных деревьев вырублено, сколько несознательными гражданами якобы выпито в эти дни вина и самогона, сколько еды употреблено и на сколько ее хватило бы при обычном питании.

В геометрической прогрессии шло в 1927—1929 годах закрытие церквей по упрощенным правилам: от 134 до 1000 [Регельсон, 2007, с. 476]. Нередко закрытиям храмов сопутствовали погромы кладбищ. Продолжение или возобновление функционирования храмов рассматривались как недоработка и комсомольских органов. Устраивали даже «соревнование» между комсомольскими организациями за быстрейшее закрытие храмов и мечетей.

Постоянная Комиссия при Президиуме ВЦИК по рассмотрению религиозных вопросов 26 января 1930 года признала, что «в связи с развертыванием кампании по закрытию молитвенных зданий закон об отделении церкви от государства подлежит пересмотру в сторону упрощения процесса закрытия и увеличения радиуса прихода» [ГАРФ, ф. 5263, оп. 1, д. 1,

л. 4]. Право окончательного решения вопросов о закрытии было передано в ведение краевых и областных исполкомов. Закрытые храмы обычно превращали в склады и клубы. Мог превратиться бывший храм и в тир, где мишенями служили иконы [Орлов, 2001, с. 87]. Множество храмов разрушалось, в лучшем случае их останки использовались в качестве стройматериалов. Причем «в представлениях очевидцев событий и их потомков сложилось устойчивое представление о взрослых — противниках разрушения церквей и молодых людях — сторонниках и активных участниках "святотатства"» [Гайлит, 2012, с. 291]. Эти представления усиливались благодаря тому, что многие комсомольские организации использовали культовые сооружения под свои нужды. Селькор из Стародубского уезда Брянской губернии, например, писал: «Что выдвигает молодежь в деревне? Материалы говорят о том, что в большинстве ставят вопросы постройки клубов, изб-читален, а в селе Ново-Млынка Вороновской волости молодежь постановила отобрать молельню под клуб и сейчас проводит в этой области работу» [Бельчук, 1929, с. 44].

Политика коллективизации с самого начала включала в себя и многочисленные меры, направленные против священнослужителей и вообще верующих. Коммунистические идеологи в один ряд ставили понятия «верующий», «кулак», «враг». Как говорил В. В. Маяковский, «мы можем уже безошибочно за поповской рясой различать образ кулака» [Маяковский, 1959, с. 376]. В марте 1929 года только что избранный Генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ А. В. Косарев подчеркнул в своем выступлении, что задача комсомола заключается не в перевоспитании кулака, а в том, как «добивать кулака, каким образом его добить, причем добить в возможно скорейший срок» [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 2, д. 68, л. 20]. В статье «Год великого перелома» И. В. Сталин, говоря про «отчаянное противодействие всех и всяческих темных сил», в первую очередь среди «темных сил» называл «кулаков и попов» [Сталин, 1949, с. 125]. СВБ в сентябре 1929 года прямо нацеливало «разоблачать блок кулачества с церковниками и сектантами» [РГАСПИ, ф. П-89, оп. 4, д. 122, л. 19 об.]. Е. Ярославский заклеймил как правых оппортунистов тех, «кто думает, что антирелигиозная пропаганда может вестись без обостренной классовой борьбы» [Ярославский, 1931, с. 217.]. Он утверждал, что одним из убежищ или прикрытий для крестьянина, не желающего идти в колхоз, «остается религиозная организация с гигантским аппаратом» [Ярославский, 1929]. Понятия «контрреволюционер» и «священнослужитель» в правовом сознании молодежи становились синонимами.

В январе 1929 года ЦК ВКП(б) призывал изжить недооценку комсомолом важности с борьбы с религией, бороться со всякими колебаниями в своих рядах, в том числе с участием в религиозных праздниках и обрядах

CC BY

[РГАСПИ, ф. П — 17, оп. 3, д. 723, л. 9—11]. Наркомпросу предписывалось «взять более решительный курс по преодолению элементов нейтрализма школы к религии» [ГАРФ, ф. Р — 5263, оп. 2, д. 7, л. 2]. На места была разослана директива ЦК ВКП(б) за подписью Л. М. Кагановича, в которой подчеркивалось, что религиозные организации являются единственной легальной контрреволюционной силой. Массовыми становились аресты духовенства и церковных служащих в деревне. В соответствии с инструкцией НКВД от 1 октября 1929 года служители культа зачислялись в категорию «лишенцев», то есть граждан, лишенных избирательного права. Все, кто сочувственно относился к Русской православной церкви, в это время, как правило, объявлялись, если не кулаками, то подкулачниками. Детей «лишенцев» часто изгоняли не только из пионерии и комсомола, но и из организаций безбожников и даже из школ. Дискриминационным по отношению к детям служителей религиозных культов стало постановление Народного комиссара просвещения РСФСР, приравнявшее их к лицам, живущим на нетрудовые доходы. С них также взималась плата за обучение, которая многим оказалась не по карману. В Постановлении от 11 февраля 1930 года ЦИК и СНК при регистрации органов церковного управления предписывалось исключать из них кулаков, лишенцев и иных враждебных советской власти лиц.

К лету 1930 года Центральный Совет СВБ отрапортовал о трех миллионах членов в составе союза. В деревне ряды СВБ пополнялись в основном за счет прагматиков, желающих изменить свой социальный статус в советском обществе (без разрыва с религией это становилось невозможным). Во многих отчетах СВБ содержались пометки, что организация пополняется только из числа молодежи.

Некоторые первичные организации СВБ занимались не только антирелигиозной деятельностью. Например, ячейка деревни Малая Валяевка Пензенского округа участвовала в хлебозаготовках, распространяла облигации займа укрепления крестьянского хозяйства. Ново-Лимаревская ячейка организовала запашку 70 десятин земли беднейшему крестьянству. Члены Неплюевской ячейки Средне-Волжской области приняли участие в создании 3 сельхозартелей, приобрели на льготных условиях и раздали бедноте 20 голов крупного рогатого скота. Свои усилия они объясняли желанием, подняв крестьянское благосостояние, показать верующим, что оно зависит нет от молебнов, а от культурных методов ведения хозяйства [Просвещенец…, 1929, с. 56—57]. Помимо 50 % членских взносов, оставшихся по Уставу СВБ в распоряжении первичек, некоторые ячейки изыскивали дополнительные средства для работы, организуя платные вечера и спектакли, закладывая своими силами сады и поля и т. п.

CC BY

В ходе социалистического соревнования по борьбе с религией некоторые ячейки взяли обязательства многократно увеличить свои ряды, охватить безбожным движением все совхозы и колхозы своих районов. Якутская организация СВБ включила в договор о соревновании обязательства к 1 мая 1930 года отобрать половину имеющихся церквей [Олещук, 1929, с. 32]. Членам СВБ предписывалось засеивать «безбожные гектары», обследовать с целями разгона монастырские и сектантские лжеколхозы. Утвержденный в начале 1930 года план «безбожной пятилетки» одной из целей провозглашал полное «обезбоживание» села.

Планировалось, что хотя бы каждый десятый колхозник станет членом СВБ, к 1937 году ячейками СВБ охватят все населенные пункты СССР, будет насчитываться 5 миллионов юных безбожников, а общая численность СВБ вырастет до 22 миллионов [Воинствующее безбожие …, 1932, с. 344]. Борьба с религией связывалась со стиранием граней между городом и деревней, «колоссально ускоренным безбожным движением в деревне». Е. Ярославский всерьез заявлял: «Через несколько лет у нас исчезнет само название “крестьянин”. Мы будем иметь людей с совершенно другой психологией» [Ярославский, 1935, с. 93].

3.4. Влияние «антирелигиозного наступления» на семейные и межпоколенческие отношения

Официальные лица все чаще говорили о недопустимости индивидуального воспитания юных строителей коммунизма в крестьянских семьях. Так, М. Н. Лядов цели воспитания видел в «коллективно мыслящем ребенке», говорил, что сформировать его можно «только в общественной среде». По мнению М. Н. Лядова, родители «губят своих детей, если воспитывают их дома» [Лядов, 1989, с. 311].

Даже в методических рекомендациях для учителей говорилось о необходимости «более крутых мер против семьи» [Антирелигиозное воспитание… , 1929, с. 55]. По словам Н. Л. Лопатиной, «у советской молодежи формировалось отношение к верующим родителям как к чужеродному элементу, так как они делают нечто порицаемое любимой народной советской властью» [Лопатина, 2018, с. 55]. Крестьян старших поколений в свою очередь крайне раздражали популяризируемые властью новые обряды, попытки по-новому регламентировать семейно-брачные отношения. На селе даже в рядах партии находилось мало людей, одобрявших превращение похорон или свадеб в митинги. Показателен крестьянский монолог, записанный А. М. Большаковым: «Религия не нами начата. Кругом будут креститься, отпеваться, венчаться, — а мы без всего этого? Таких дел пока еще нигде не слыхать в нашей округе. Что же мы, первыми что ли будем?» [Большаков, 1927, с. 407].

CC BY

Даже официальные публикации тех лет свидетельствуют о крайнем возмущении родителей демонстративным непочтением со стороны представителей младших поколений. «Теперь в семье сын и дочь сплошь и рядом говорят родителям: отстань от меня, что ты ко мне пристала, ты ничего не понимаешь — а раньше это считалось позором» [Ривес, 1930, с. 92].

Руководитель СВБ Е. Ярославский, наоборот, регулярно отмечал успехи антирелигиозного влияния молодежи на родителей. По его мнению, если укрепить новую мораль «в сознании каждого ребенка, каждого юноши, каждой девушки», советская власть будет непобедима: «Мы гигантски ускорим муки родов нового общества» [Ярославский, 1932, с. 191].

Опросы живших в годы коллективизации в сельской местности, проводившиеся на рубеже XX—XXI веков, показывают, что именно в это время крестьяне стали остерегаться вести религиозные разговоры при детях. Все чаще они тайно молились, держали иконы, но детей молиться не приучали. По их словам, антирелигиозная активность во многом способствовала падению нравственности, разнузданности обыденного поведения сельчан [Зленко, 2012; Лопатин, 2009; Трушнович, 2004].

Еще большему дистанцированию крестьян старших поколений от молодых активистов способствовала кардинальная разница в подходах к организации быта, в том числе в праздничной культуре поколений. Так, с декабря 1929 года празднования с использованием елок официально были запрещены, но в некоторых крестьянских семьях все равно праздновали рождество с установкой елки. Поэтому во многих комсомольских организациях создали специальные патрули, ходившие по домам с целью выявить «религиозные, контрреволюционные деревья». Для расширения круга сторонников антирождественских мероприятий организовали экологическую всероссийскую акцию «Спасём лес!».

О межпоколенческом разломе в религиозной сфере красноречиво свидетельствуют следующие случаи. В Баландинском районе Нижневолжского края престарелые родители прокляли 20—25-летних детей за вступление в Ликбез, на занятиях которого твердили, что Бога нет [Яковлева, 2020, с. 54]. В селе Сухоложском Шадринского района в ответ на несогласие местных жителей с резолюцией за закрытие церкви подростки выбили 17 окон в церкви. Увидев бездействие сельсовета, повторили погром [Яшина, 2013, с. 106].

Для крестьян старших поколений, воспитанных на незыблемости религиозных ценностей, событием, показывающим, что власть в достижении своих целей не остановится ни перед какими авторитетами и традициями, стало закрытие церквей и мечетей. Межпоколенческие отношения

CC BY

осложнялись при использовании культовых сооружений под школы, дома пионеров, клубы, в которых отдыхала прежде всего молодежь.

С конца 1928 года власть официально признавала рост протестных выступлений на религиозной почве, в первую очередь — из-за закрытия храмов. Нередко поводом для крестьянских протестов становились бесчинства комсомольцев [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 2, д. 81, л. 32; Алексеев, 1991; Строганов, 2021 и др.], их радикализм в осуждении любых проявлений религиозности. Из 13 754 массовых крестьянских выступлений, зафиксированных ОГПУ в 1930 году, 1487 возникли на религиозной почве [Трагедия …, 2000, с. 787]. Их обстоятельства подробно описаны в современной литературе [Безгин, 2019; Кабытов, 2020; Козлов, 2013].

Именно на защиту интересов верующих зачастую были направлены «бабьи бунты». В 1929 году из 1307 массовых выступлений 486 были чисто женскими, в 67 большинство участниц составили женщины. 223 выступления были вызваны закрытием храмов и другими антирелигиозными действиями [Совершенно…, 2008, с. 1408—1409]. По сведениям ОГПУ, «почти во всех выступлениях, имевших место в 1930 году, женщины составляли или большинство, или значительную часть участников» Из учтенных 2897 выступлений с участием женщин в первом полугодии 1930 года 778 составили бунты на религиозной почве [Там же, с. 1409]. Например, в одном из сёл Нижне-Волжского края полторы тысячи женщин несколько суток дежурили у храма, охраняя колокол, который якобы хотели снять комсомольцы. В селе Белоголовое Жуковского района Брянского округа женщины избили комсомольцев, пытавшихся снять колокола. Затем при появлении комсомольцев женщины били в набат [Там же, с. 1414]. В дагестанском селе Батаюрт в декабре 1929 года группа из почти 300 женщин, частично вооруженных палками, топорами и кинжалами, устроила демонстрацию под лозунгом: «Долой колхозы! Да здравствует духовенство» [Разаков, 2016, с. 306]. В январе 1930 года в с. Карели Моршанского района Центрально-Черноземной области молодежное собрание решило использовать под школу местную церковь. В ответ толпа женщин из 500 человек с кольями врывалась в дома молодежных активистов и избивала их. Возмущенные женщины разошлись по домам только после обещания представителями власти церковь не закрывать [Совершенно…, 2008, с. 1410—1411]. В с. Бардинке Пензенского района местные жительницы также воспротивились намерению властей передать церковные земли школе. Главный контраргумент звучал следующим образом: «Учитель только развращает детей, он не велит ходить детям в церковь» [Гущин, 2017, с. 35]. В отдел расследования и читки редакции газеты «Правда» в августе 1930 года пришло письмо из Крыма: «Величайший удар и развал колхозного строя по

CC BY

всему Советскому Союзу произвели женщины полной прицепкой к церквам и попам. Женщинам внушили: “Нас насильно загнали в колхозы, а потом загонят и в коммуны, где начнется постыдная половая, развратная жизнь”» [Трагедия, 200, с. 587].

Как заметил А. В. Топоров, «гонения приводили к обратному эффекту: вместо того, чтобы запугивать, они сплачивали народ вокруг Церкви» [Топоров, 2005, с. 239—240.] Верующие размышляли примерно так: «Я религиозен, потому что все Божественные предписания почти что исполняются, а беседы антирелигиозников основываются на безалаберном хулиганстве» [Коноплев, 1929, с. 42].

Молодые «безбожники» действительно далеко не всегда проявляли сдержанность даже при применении тех форм антирелигиозной работы, которые подавались как умеренные и разумные. Так, в с. Дюрки Атяшевского района был устроен диспут между церковниками и молодым кандидатом в члены ВКП(б) Кортиковым. Доказывая, что чудотворная икона — обман духовенства, Кортиков выстрелил в нее из нагана. Присутствовавшие, возбужденные таким поступком, набросились на парня и пытались его зарезать [Совершенно…, 2004, с. 226].

В сообщениях с мест регулярно можно было прочитать сообщения об антирелигиозных молодежных выходках хулиганского характера. Например, «в Юхнове комсомольцы возглавили снятие икон у крестьян, собрали шесть подвод икон, облили керосином и сожгли» [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 2, д. 81, л. 32]. Как писал В. П. Булдаков, «когда период самоутверждения личности приходится на разлом исторического времени, от молодежи можно ожидать каких угодно сюрпризов» [Булдаков, 2012, с. 350].

Еще больший негативный резонанс в крестьянской среде вызывали надругательства над мощами святых. Молодежные активисты игнорировали рост крестьянского недовольства. На изъятие мощей Митрофания Воронежского они, например, приглашали, как на развлечение, обещая участие в киносъемках.

В некоторых селах комсомольцы совсем не имели авторитета. Пермский окружной отдела ОГПУ докладывал в октябре 1929 года секретарю Пермского окружкома ВКП(б): «По-прежнему ненормальности находят место в комсомольских организациях, борьба же с ними ведется слабая и местами совершенно отсутствует. Имеются факты, когда сами представители руководящих организаций комсомола являют собой пример разгильдяйства и разнузданности. Некоторые комсомольские ячейки совершенно не руководятся. Члены ячеек предоставлены сами себе». Неслучайно крестьяне Сергинского района говорили: «Вы сами вести себя не можете и мы за Вами не пойдем [Общество …, 2008, с. 625]».

CC BY

4. Заключение = Conclusions

Многочисленные свидетельства дают повод сомневаться в правдоподобности всех успехов антирелигиозной деятельности, о которых заявляла официальная пропаганда. Многие местные антирелигиозные издания, не сумев завоевать хоть какую-то популярность, быстро умирали или превращались в странички партийных изданий [Шеримет, 2022, с. 94]. Д. Перис считает, что в СВБ «членство обычно сводилось к занесению имени в список». Он называет СВБ «карточным домиком», «атеистической потёмкинской деревней в национальном масштабе» [Peris, 1998, p. 225—226.]. Причем очевидно, что на селе количество активно участвующих в антирелигиозной работе было значительно меньше, чем в городах, а в национальных районах безбожное движение подчас почти отсутствовало. Против налаживания серьезной атеистической пропаганды работало и то, что в некоторых регионах число лиц с низшим образованием в СВБ доходило до 90 %.

Даже секретариат ЦК ВЛКСМ в марте 1930 года отмечал, что СВБ «совершенно слабо организовывает работу среди молодежи и неудовлетворительно руководит секцией молодежи при советах СВБ» [РГАСПИ, ф. М. — 1, оп. 4, д. 43, л. 70]. Многие комсомольцы не торопились с вступлением в СВБ. Так, в начале 1930 года только 8,6 % членов ВЛКСМ Елецкого округа состояли в СВБ, в Дагестане этот показатель составлял лишь 2 % [Ярославский, 1935, с. 127—128]. Хотя устав СВБ гласил: «Всю работу Союз Безбожников проводит в полном контакте и согласованности с местными партийными и комсомольскими организациями, политпросветами и культотделами профсоюзов» [Устав …, 1931, с. 3], комсомолу не удалось наладить тесное взаимодействие с СВБ.

Тем не менее именно к началу 1930-х годов безбожное движение достигло своего пика, и влияние его на ситуацию в российской деревне игнорировать нельзя. Прав И. И. Янушевич: «Пусть членство в СВБ многих и было формальным, а то и совсем мнимым, отраженным только в отчетах, но и это было уже серьезное достижение, которое в дальнейшем не повторится» [Янушевич, 2017, с. 181]. Взаимные упреки руководства комсомола и СВБ были прекращены ЦК ВКП(б), потребовавшим конструктивного сотрудничества перед лицом общего врага. Был разработан комплекс совместных антирелигиозных мероприятий [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 4, д. 47, л. 5].

Нельзя отрицать случаи, когда комсомольцы оставались верны патриархальной традиции подчинения старшим. Однако в целом приходится признать, что коллективизация разрушала институт патриархальной семьи, так как комсомольцы и другие молодые колхозники переставали зависеть от своих родителей. При этом прав Р. В. Рыбаков: «Формируемые ценности часто вступали в серьезное противоречие с господствующей

культурой, что приводило или к серьезному личностному разногласию, или к конфликту целых поколений: силовое решение возникающих социальных конфликтов было достаточно частым явлением эпохи» [Рыбаков, 2016, с. 125]. В лице комсомола создавался социальный институт, успешно конкурирующий с семьей. Более того, в небывалых масштабах разворачивался процесс вытеснения «родительской семьи как института социализации» [Рожков, 2014, с. 39].

Конфликты между крестьянами разных поколений стали обыденностью сельской жизни. Родители не только применяли физические наказания, сжигали или портили антирелигиозные костюмы, но и угрожали выгнать детей из дома. Партийные наставники призывали юношество не бояться преследований «приверженцев старого» из числа родственников, настойчиво доказывать им свою правоту. Лояльность к религиозным родителям непримиримо осуждалась и в комсомоле, и в СВБ. А среди крестьян это приводило к росту настроений нетерпимости по отношению к ячейкам ВЛКСМ и СВБ.

Вскоре после описываемых в данной статье событий французский журналист Поль Шарль Вайян-Кутюрье писал, что мир, в котором живет советская молодежь, не имеет ничего общего с жизнью прошлых поколений, что в советском обществе происходит конфликт «не между молодым и старым поколениями, а между молодыми людьми и старыми идеями...» [Вайян-Кутюрье, 1935, с. 1]. Однако борьба с идеями напрямую предусматривала почитание лишь отцов коллективизированных и классово-сознательных, других же отцов даже с позиций медицины призывали перевоспитывать («а если они не перевоспитываются, дети этически вправе покинуть таких отцов, так как интересы революционного класса выше блага отца» [Залкинд, 1924, с. 54—55]).

Антирелигиозная деятельность молодых безбожников стала одним из мощнейших факторов углубления межпоколенческого конфликта российского села. У большинства молодежи и большинства представителей поколений «отцов» и «дедов» налицо был огромный разрыв между восприятием действительности и перспектив развития российского села, в том числе в духовной сфере.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Антирелигиозное воспитание* в школах повышенного типа. — Москва ; Наркомпрос РСФСР ; Ленинград : Госиздат, 1929. — 60 с.

2. *Бельчук.* Массовая работа по проведению перевыборной кампании советов (Стародубский уезд) / Бельчук // Коммунар. — 1929. — № 1. — С. 44—45.

3. *Большаков А. М.* Деревня 1917—1927 / А. М. Большаков ; с предисл. М. И. Калинина и акад. С. Ф. Ольденбурга. — Москва : Работник просвещения, 1927. — 471 с.

4. *Большаков А. М.* Советская деревня (1917—1925 гг.) : экономика и быт / А. М. Большаков. — 2-е изд., знач. доп. — Ленинград : Прибой, 1925. — 263 с.

5. *Вайян-Кутюрье П.* Несчастье быть молодым / П. Вайян-Кутюрье // Юный пролетарий. — 1935. — № 11. — С. 1—3.

6. *ВЛКСМ* в резолюциях его съездов-конференций / Под ред. Г. Лебедева, А. Шохина и Г. Ярцева. — Москва—Ленинград : Молодая гвардия, 1929. — 354 с.

7. *Воинствующее безбожие* в СССР за 15 лет. 1917—1932 / Центральный совет Союза воинствующих безбожников и Институт философии Коммунистической академии ; под редакцией М. Енишерлова, А. Лукачевского, М. Митина. — Москва : ОГИЗ : Государственное антирелигиозное издательство, 1932. — 525 с.

8. ГА РФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. Р – 5263. Оп. 1 Д. 1. Л. 4. Оп. 2. Д. 7. Л. 2. Ф. Р — 5407. Оп. 1. Д. 25, Л. 34. Д. 94. Л. 4.

9. ГАСПИТО — *Государственный* архив социально-политической истории Тамбовской области. Ф. П-1214. Оп. 1. Д. 31. Л. 8.

10. *Голубь П.* Приводные ремни : Агитсуд : (К отчетной кампании Ленингр. сов.) / П. Голубь ; Ленингр. обл. кабинет политпросветработы. — Ленинград : Тип. Облфо им. т. Котлякова, 1930. — 29 с.

11. *Григорьев В.* Суд над дезертиром похода за урожай / В. Григорьев. — Москва ; Ленинград : Молодая гвардия, 1929. — 102 с.

12. «*Дорогие* братья и сестры!» — Правда молодёжи. 1928. 8 янв.

13. *Ежегодник* деревенского работника на 1931 год / [сост. тт. Азаренко и др. ; ред. : Х. Н. Кантор и В. А. Нодель]. — Москва : Московский рабочий, 1931. — 640 с.

14. *Ершов А.* Агитсуд над врагами коллективизации / А. Ершов. — Новосибирск : Сибкрайиздат, 1930. — 44 с.

15. *Залкинд А. Б.* Революция и молодежь / А. Б. Залкинд. — Москва : Издание Коммунистич. ун-та им. Свердлова, 1924. — 144 с.

16. *Замятин Е.* Советские дети / Е. Замятин // Литературная учеба. — 1990. — № 3. — С. 74—76.

17. *Инденбом Л. А.* Агросуды : Суд над вредителями. Суд над сорняками. Суд над бескормицей... и другие : [Указания к проведению и примерные разработки] / Л. А. Инденбом ; Агрономич. редакция С. А. Ершова. — Москва : Крестьянская газета, 1929. — 46 с.

18. *Итоги* девятого съезда ВЛКСМ : Материалы для докладчиков. — Москва : Молодая гвардия, 1931. — 87 с.

19. *Коноплев Н.* На школьном участке безбожного фронта / Н. Коноплев // На путях к новой школе. — 1929. — № 11. — С. 39—46.

20. *Красноармейский* антирелигиозный учебник / составлено Г. Берлиным и др. ; под общей редакцией Ф. Родионова ; Центральный совет союза воинствующих безбожников СССР и ПУРККА СССР. — 2-ое перераб. изд. — Москва : Безбожник, 1931. — 241 с.

21. *Летняя* работа городского и деревенского отряда юных пионеров. — Кострома : 2-я гос. типо-лит. Полиграфтреста, 1927. — 29 с.

22. *Лядов М. Н.* Вопросы быта / М. Н. Лядов // Партийная этика (Документы и материалы дискуссии 20-х годов). — Москва : Политиздат, 1989. — С. 304—326.

23. *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений. — Москва : Госполитиздат, 1959. — Т. XII. — 746 с.

24. *Общество* и власть. Российская провинция. 1917—1985 : Документы и материалы в 6 т. Пермский край. — Пермь : Банк культурной информ., 2008. — Т. 1. — 683 с. — ISBN 978-5-7851-0708-3.

25. *Олещук Ф.* Первые итоги социалистического соревнования на антирелигиозном фронте / Ф. Олещук // Антирелигиозник. — 1929. — № 9. — С. 30—36.

26. *Просвещенец* на антирелигиозном фронте / под ред. А. Коростелева. А. Лукачевского, И. Флерова. — Москва : Работник просвещения; Ленинград : [б. и.], 1929. — 115 с.

27. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. М — 1. Оп. 2. Д. 68. Л. 20. Д. 81. Л. 32. Оп. 4. Д. 43. Л. 70. Д. 47. Л. 5. Оп. 23. Д. 665а. Л. 5. Ф. П — 17. Оп. 3. Д. 723. Л. 9—11. Оп. 113. Д. 801. Л. 103. Ф. П-89. Оп. 4. Д. 122. Л. 19 об.

28. *Ривес С. М.* Религиозность и антирелигиозность в детской среде / С. М. Ривес ; Предисловие : В. Н. Шульгин. — Москва : Работник просвещения, 1930 (тип. "Гудок"). — 120 с.

29. *Русское* и советское молодёжное движение в документах 1905—1937 гг. — Москва : ОМП-Пресс, 2002. — 384 с.

30. *«Совершенно секретно» :* Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.) : Сб. док. В 10 т. — Москва : Ин-т российской истории Российской акад. наук [и др.], 2001. — Т. 2. — 510 с. — ISBN 5-8055-0067-1.

31. СБ — *Союз* безбожников.

32. СВБ — *Союз* воинствующих безбожников.

33. *Справочник* партийного работника. — Москва — Ленинград : Гос. изд-во, 1930. — Выпуск7. — Ч. 2. — 384 с.

34. *Сталин И. В.* Год великого перелома : К XII годовщине Октября / И. В. Сталин // Сочинения. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1949. — Т. 12. — С. 118—135.

35. *Товарищ* комсомол : документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ. В 2-х т. 1918—1941 / Сост. : В. Десятерик и др. — Москва : Молодая гвардия, 1969. — Т. 1. — 606 с.

36. *Трагедия* советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы. — В 5-ти тт. — Москва : РОССПЭН, 2000. — Т. 2 : Ноябрь 1929 — декабрь 1930. — 925 с. — ISBN 5-8243-0131-X.

37. *III Всесоюзное* совещание корреспондентов «Учительской газеты» // Учительская газета. — 1928. — 13 сентября.

38. *Устав* Союза Воинствующих Безбожников. — Москва : Безбожник, 1931. — 13 с.

39. *Чудновцев М. И.* Церковники и сектанты в борьбе против культурной революции / М. И. Чудновцев. — Москва : акц. изд-ское о-во "Безбожник", 1930 (Ленинград : гос. тип. им. Евг. Соколовой). — 108 с.

40. *Ярославский Е.* Против религии и церкви : в 5 т. Октябрьская революция, религия и церковь / Е. Ярославский. — Москва : Гос. антирелигиоз. изд-во, 1932. — Т. I. — 416 с.

41. *Ярославский Е.* Соцсоревнование и антирелигиозная пропаганда / Е. Ярославский // Правда. — 1929. — 1 мая.

CC BY

Литература

1. *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы / В. А. Алексеев. — Москва : Политиздат, 1991. — 398 с. — ISBN 5-250-01242-6.

2. *Андриец У. М.* Комсомольские организации как политический ресурс в коллективизации сельского хозяйства Дальнего Востока / У. М. Андриец // Россия и АТР. — 2016. — № 1. — С. 250—260.

3. *Асташов А. Б.* Крестьянско-молодежный мир в эпоху «великого перелома» / А. Б. Асташов // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». — 2022. — № 9. — С. 101—119. — DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-101-119.

4. *Безгин В. Б.* Политика коллективизации и крестьянское сопротивление (по материалам Козловского округа Центрально-Черноземной области) / В. Б. Безгин, В. П. Николашин // Научный диалог. — 2019. — № 6. — С. 243—259. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-243-259.

5. *Булдаков В. П.* Утопия, агрессия, власть : психосоциальная динамика постреволюционного времени, Россия, 1920—1930 гг. / В. П. Булдаков. — Москва : РОССПЭН, 2012. — 756 с. — ISBN 978-5-8243-1720-6.

6. *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина : коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Л. Виола ; [пер. с англ. А. В. Бардина]. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 366 с. — ISBN 978-5-8243-1311-6.

7. *Вязинкин А. Ю.* Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в. : проблемы историографии / А. Ю. Вязинкин // Вопросы истории. — 2022. — № 7—2. — С. 153—165. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46.

8. *Гайлит О.* Религия в «молодом» обществе : заметки о становлении советской повседневности / О. Гайлит // Антропологический форум. — 2012. — № 16. — С. 288—308.

9. *Грищенко И. А.* Борьба с религией как идейная составляющая коллективизации (по архивным материалам Гомельского региона) / И. А. Грищенко // 1917—2017 : уроки столетия: Материалы международной научно-исторической конференции. — Гомель : Белорусский государственный университет транспорта, 2017. — С. 304—313.

10. *Гущин А. А.* Взаимоотношения советской власти и церкви в сельской местности в конце 1920-х — начале 1930-х гг. : (На материалах Пензенского округа Средне-Волжской области) / А. А. Гущин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. — 2017. — № 1. — С. 32—39.

11. *Дианова Е. В.* Антирелигиозное воспитание и обучение в школах Карелии в 1920-е годы / Е. В. Дианова // Государство, общество, Церковь в истории России XX—XXI веков : Материалы межд. научн. конф. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2020. — С. 239—245.

12. *Евдокимова А. Н.* Формы антирелигиозной деятельности Союза воинствующих безбожников в Чувашской Республике в 20—30-е годы / А. Н. Евдокимова, А. Л. Ляпина // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева) : сб. тр. Всерос. науч. конф. с междунар. участием. — Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. — С. 172—177. — ISBN 978-5-6042436-6-4.

13. *Зленко И. А.* Старец земли Кузнецкой : (опыт церковно-исторического и культурологического исследования) / И. А. Зленко, Л. Лопатин, Н. Лопатина. — Кемерово : КемГУКИ, 2012. — 319 с. — ISBN 978-5-8154-0244-7.

14. *Игнатьева Е. А.* Молодежь Сибири как мобилизационный ресурс региональной властив период «великого перелома» : аспекты исследования / Е. А. Игнатьева // Реформы в повседневной жизни населения России : история и современность. Материалы

международной научной конференции. — Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2020. — Т. 3. — С. 58—63.

15. *Ипполитов В. А.* Факторы регулирования социального состава комсомола в 1931—1935 годах / В. А. Ипполитов // Социодинамика. — 2016. — № 3. — С. 126—136. — DOI: 10.7256/2409-7144.2016.3.17789.

16. *Исаев В. И.* Молодежь Сибири в социально-политических конфликтах в годы «великого перелома» / В. И. Исаев // Молодежь России : история и современность. — 2002. — № 3. — С. 59—62.

17. *Кабытов П. С.* Енганаевское дело : "Не трогайте землю, оставьте имамов, коммуна нам не нужна..." / П. С. Кабытов, А. В. Кобзев // Центр и перефирия. — 2020. — № 4. — С. 25—35.

18. *Каиль М. В.* Антирелигиозная агитация и пропаганда 1920-х годов : провинциальная практика, формы, динамика (на примере Смоленской губернии) / М. В. Каиль // Известия Смоленского государственного университета. — 2010. — № 1. — С. 205—217.

19. *Карлявина А. И.* Антирелигиозная карикатура в советской периодической печати 1920-х гг. (по материалам газеты «Безбожник») / А. И. Карлявина // Клио. — 2019. — № 4. — С. 34—39.

20. *Кедров Н. Г.* Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы / Н. Г. Кедров. — Москва : РОССПЭН, 2013. — 280 с. — ISBN 978-5-8243-1815-9.

21. *Козлов Ф. Н.* Молодежные реакции на инновационный концепт советского безбожия : историко-психологический аспект / Ф. Н. Козлов // PolitBook. — 2014. — № 3. — С. 68—79.

22. *Козлов Ф. Н.* "Женский вопрос" как элемент социальной политики советского государства в 1920-е — первой половине 1930-х годов (в контексте государственно-церковных отношений в национальных регионах Среднего Поволжья) / Ф. Н. Козлов // Вестник Чувашского университета. — 2013. — № 4. — С. 29—37.

23. *Кузнецов И. А.* Политическая культура крестьянства и политический режим в СССР в 1920—1930-е гг. / И. А. Кузнецов // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века. — Коломна : Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2013. — С. 482—484.

24. *Курляндский И. В.* Сталин, власть и религия (религиозный фактор во внутренней политике советского государства в 1922—1953 гг.) / И. А. Курляндский. — Москва : Кучково поле, 2011. — 701 с. — ISBN 978-5-9950-0150-8.

25. *Левада Ю. А.* Заметки о проблеме поколений / Ю. А. Левада // Отцы и дети : Поколенческий анализ современной России. — Москва : Новое лит. обозрение, 2005. — С. 235—244. — ISBN 5-86793-370-9.

26. *Левада Ю. А.* Поколения XX века : Возможности исследования / Ю. А. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2001. — № 5. — С. 7—14.

27. *Лопатин Л. Н.* Коллективизация и раскулачивание : (очевидцы и документы свидетельствуют) / Л. Н. Лопатин, Н. Л. Лопатина. — Кемерово : Аксиома, 2009. — 445 с. — ISBN 978-5-9901476-1-4.

28. *Лопатина Н. Л.* Социокультурная трансформация религиозных ценностей в СССР в первой половине XX в. / Н. Лопатина // Идеи и идеалы. — 2018. — Т. 1. — № 4. — С. 49—62.

29. *Мангейм К.* Очерки социологии знания : Проблема поколений-состязательность — экон. Амбиции / К. Мангейм ; [Пер. с англ. Е. Я. Додина]. — Москва : ИНИОН РАН, 2000. — 162 с. — ISBN 5-248-01334-8.

30. *Мищенко Т. А.* Молодое поколение в конструировании новой политической идентичности в 1920-е гг. в деревне Юго-Запада России / Т. А. Мищенко // Манускрипт. — 2020. — Т. 13. — № 10. — С. 34—40.

31. *Надеждина В. А.* Эволюция общественно-политических настроений рабочих и крестьянства Оренбургской губернии в годы НЭПа (1921—1929 гг.) / В. А. Надеждина, П. М. Кайбушева. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. — 147 с. — ISBN 978-5-7477-2752-6.

32. *Новоселов А. Л.* «Поп с кулаком сварганил «чудо» : антирелигиозная пропаганда на страницах детского журнала «Юные безбожники» / А. Л. Новоселов, А. А. Сальникова // Современная научная мысль. — 2020. — № 2. — С. 84.

33. *Орлов И. Б.* Лозунги и реалии «безбожной пятилетки» / И. Б. Орлов // Армагеддон. — 2001. — № 11. — С. 87—92.

34. *Островский В. Б.* Комсомол — помощник партии в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (в годы первой пятилетки) : автореферат диссертации … кандидата исторических наук : 07.00.00 / В. Б. Островский. — Саратов, 1953. — 30 с.

35. *Очерки* истории ВЛКСМ : в поисках истины : в 2 ч. / науч. ред. А. А. Галаган, В. К. Криворученко. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1991. — Ч. 1. — 195 с. — ISBN 5-292-01357-9.

36. *Панарин А. А.* Молодежь в переустройстве сельского хозяйства в СССР на рубеже 20—30-х годов XX века / А. А. Панарин, Ю. А. Стецура // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1 : Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2012. — № 2. — С. 56—62.

37. *Покровская Т. Ю.* Религиозная память крестьянства в 30-х годах XX века в селах Черноземья России / Т. Ю. Покровская // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. — 2022. — Т. 8. — № 1. — С. 108—117.

38. *Пономарев М. В.* Борьба с религией как составляющая политической культуры советского общества 1917—1930-х гг. (на материалах Нижней Волги) / М. В. Пономарев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7 : Философия. Социология и социальные технологии. — 2009. — № 2. – С 215-221.

39. *Разаков Р. Ч.-М.* Политика сплошной коллективизации в Дагестане / Р. Ч.-М. Разаков // Научный диалог. — 2016. — № 11. — С. 304—316.

40. *Регельсон Л. Л.* Трагедия Русской церкви, 1917—1945 / Л. Л. Регельсон. — Москва : Изд-во Крутицкого подворья : О-во любителей церковной истории, 2007. — 640 с.

41. *Рожков А. Ю.* В кругу сверстников : Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов / А. Ю. Рожков. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 630 с. — ISBN 978-5-4448-0216-8.

42. *Рожков А. Ю.* Трансформация ценностных ориентаций сельской молодежи Кубани в условиях межпоколенческого разрыва (1920-е гг.) / А. Ю. Рожков // Голос минувшего. — 2016. — № 3—4. — С. 164—182.

43. *Рудюк О. Г.* Начальный период атеистического воспитания среди детей и молодежи в БССР / О. Г. Рудюк // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. — 2019. — № 1. — С. 126—136.

44. *Рыбаков Р. В.* «Социалистической культуре недостает каких-то добродетельных начал» : из опыта воспитания советской молодежи в 1920-е гг. / Р. В. Рыбаков // Истори-

ческие, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 11—1. — С. 122—126.

45. *Сафонов Д. А.* Комсомольцы Российской провинции первого призыва : мироощущение и политическая активность / Д. А. Сафонов // История : факты и символы. — 2022. — № 4. — С. 39—57. — DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-39-57.

46. *Сахарова Л. Г.* Особенности атеистической политики среди марийской молодежи в Вятском регионе в 1920—1930-е гг. / Л. Г. Сахарова // История народов России. — Москва : РУДН, 2011. — С. 331—338. — ISBN 978-5-209-03617-3.

47. *Слезин А. А.* Сельская молодежь первой трети XX в. и ее влияние на социум в оценках современных исследователей / А. А. Слезин // Вопросы истории. — 2022. — № 8—2. — С. 106—128. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi32.

48. *Слезин А. А.* Противостояние крестьян и комсомольцев в духовной сфере русской деревни начала 1920-х годов / А. А. Слезин // Аграрная история. — 2023. — № 13. — С. 22—42. — DOI: 10.52270/27132447_2023_13_22.

49. *Соболева А. Н.* Участие молодежи БМАССР в модернизационных процессах 1920-х — 1930-х гг. / А. Н. Соболева. — Улан-Удэ : Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2014. — 184 с. — ISBN 978-5-7925-0419-6.

50. *Строганов А. В.* Роль духовенства в крестьянском протесте в период коллективизации / А. В. Строганов // Власть. — 2021. — Т. 29. — № 3. — С. 235—240. — DOI: https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8189.

51. *Строганов А. В.* Феномен женского протеста на селе в Московской области в период коллективизации / А. В. Строганов // Власть. — 2021. — Т. 29. — № 1. — С. 144—149. — DOI: https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7929.

52. *Топоров А. В.* Е. А. Тучков. Портрет на фоне эпохи / А. В. Топоров // Церковно-исторический ежегодник. — 2005. — Выпуск 4. — С. 239—240.

53. *Трушнович А. Р.* Воспоминания корниловца (1914—1934) / А. Трушнович. — Москва : Посев, 2004. — 334 с. — ISBN 5-85824-153-0.

54. *Ченская Т. В.* Общественные настроения советского крестьянства в российской деревне в 1926—1932 гг. на примере Орловского округа и источники их изучения (по материалам окротдела ОГПУ) / Т. В. Ченская // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2014. — № 4. — С. 40—44.

55. *Чирков М. С.* Религия в условиях модернизации российского общества : православие в русской деревне 1920-х годов / М. С. Чирков // Традиционные общества : неизвестное прошлое. — Челябинск : Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2019. — С. 319—325.

56. *Чистякова Д. П.* Типологизация поколений по Ю. Леваде : социолого-культурологический аспект / Д. П. Чистякова // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция : теория и практика. — 2016. — № 9. — С. 99—103.

57. *Шанин Т.* История поколений и поколенческая история / Т. Шанин // Человек. Сообщество. Управление. — 2005. — № 3. — С. 6—25.

58. *Шевченко В. А.* Советская школа : переход от безрелигиозного воспитания к антирелигиозному (1927—1929 гг.) / В. А. Шевченко // Новый исторический вестник. — 2007. — № 2. — С. 207—213.

59. *Шеримет А. Г.* Идеологическое воздействие в провинции 1920-х годов : монополизация процесса / А. Г. Шеримет // История : факты и символы. — 2022. — № 3. — С. 86—101. — DOI: 10.24888/2410-4205-2022-32-3-86-101.

60. *Яковлева Ж. В.* «Марш отсюда... Церковь закрыта! Верующие теперь неверующие!» : Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х — начало 1940-х гг.) / Ж. В. Яковлева. — Саратов : Техно-Декор, 2020. — 250 с. — ISBN 978-5-907175-42-6-2.

61. *Янушевич И. И.* Проблемы взаимоотношений Союза безбожников и Коммунистического союза молодежи по вопросам организации антирелигиозной работы (1926—1932 гг.) / И. И. Янушевич // Романовские чтения — 12 : сборник ст. Междунар. науч. конф. / под общ. ред. А. С. Мельниковой. — Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2017. — С. 180—181.

62. *Яшина М. А.* Роль Союза безбожников" в антирелигиозной политике советского государства в 1920—1930-е годы : на материалах Урала / М. А. Яшина // Известия Алтайского государственного университета. — 2013. — № 4—2. — С. 104—108.

63. *Kirschenbaum L. A.* Small Comrades: Revolutionazing Childhood in Soviet Russia, 1917—1932 / L. A. Kirschenbaum. — New York and London : Routledge Falmer, 2001, xi. — 232 p. — ISBN-10: 0815339453 ISBN-13: 978-0815339458.

64. *Kuhr-Korolev C.* "Gezahmte Helden". Die Formierung der Sowjetjugend 1917—1932 / C. Kuhr-Korolev. — Essen : Klartext Verlag, 2005. — 365 p. — ISBN 978-3-89861-349-1.

65. *Mead M.* Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap / M. Mead. — New York : Natural History Press, 1970. — 113 p. — ISBN 10: 0385041128 ; ISBN 13 : 9780385041126.

66. *Peris D.* Storming the Heavens / D. Peris. — Ithaca and London : Cornell university Press, 1998. — 237 p. — ISBN 0 -8014-3485-8.

Статья поступила в редакцию 16.02.2023,
одобрена после рецензирования 29.03.2023,
подготовлена к публикации 15.04.2023.

Material resources

Anti-religious education in advanced schools. (1929). Moscow; People's Commissariat of the RSFSR; Leningrad: Gosizdat. 60 p. (In Russ.).

Belchuk. (1929). Mass work on the reelection campaign of the Soviets (Starodubsky uyezd). *Kommunar, 1:* 44—45. (In Russ.).

Bolshakov, A. M. (1925). *The Soviet village (1917—1925): economy and life. 2nd ed., significant additional.* Leningrad: Priboy. 263 p. (In Russ.).

Bolshakov, A. M. (1927). *Village 1917—1927.* Moscow: Worker of Education. 471 p. (In Russ.).

Chudnovtsev, M. I. (1930). *Churchmen and sectarians in the struggle against the cultural revolution.* Moscow: acc. publishing house "The Godless". 108 p. (In Russ.).

Comrade Komsomol: documents of congresses, conferences and the Central Committee of the Komsomol. In 2 volumes 1918—1941, 1. (1969). Moscow: Molodaya gvardiya. 606 p. (In Russ.).

"*Dear brothers and sisters!" — The Truth of youth. 8 Jan.* (1928). (In Russ.).

Ershov, A. (1930). *Agitsud over the enemies of collectivization.* Novosibirsk: Sibkraizdat. 44 p. (In Russ.).

GA RF — *State Archive of the Russian Federation. F. R–5263. Op. 1 D. 1. L. 4. Op. 2. D. 7. L. 2. F. R—5407. Op. 1. D. 25, L. 34. D. 94. L. 4.* (In Russ.).

CC BY

GASPITO — *State archive of socio-political history of the Tambov region. F. P-1214. Op. 1. D. 31. L. 8.* (In Russ.).

Golub, P. (1930). *Drive belts: Agitsud: (For the reporting campaign of the Leningr. sov.).* Leningrad: Tip. Oblfo named after T. Kotlyakov. 29 p. (In Russ.).

Grigoriev, V. (1929). *The trial of the deserter of the campaign for the harvest.* Moscow; Leningrad: Molodaya gvardiya. 102 p. (In Russ.).

Handbook of a party worker, 7 (2). (1930). Moscow — Leningrad: State Publishing House. 384 p. (In Russ.).

III All-Union meeting of correspondents of "Uchitelskaya gazeta". (1928). *Uchitelskaya gazeta. September 13.* (In Russ.).

Indenbom, L. A. (1929). *Agrosudy: The trial of pests. The trial of weeds. The trial of beskormitsa... and others: [Guidelines for conducting and approximate developments].* Moscow: Peasant Newspaper. 46 p. (In Russ.).

Komsomol in the resolutions of its congresses and conferences. (1929). Moscow—Leningrad: Molodaya gvardiya. 354 p. (In Russ.).

Konoplev, N. (1929). On the school site of the godless front. *On the way to a new school, 11:* 39—46. (In Russ.).

Lyadov, M. N. (1989). Questions of life. In: *Party ethics (Documents and discussion materials of the 20s)*. Moscow: Politizdat. 304—326. (In Russ.).

Mayakovsky, V. V. (1959). *Complete works, XII.* Moscow: Gospolitizdat. 746 p. (In Russ.).

Militant atheism in the USSR for 15 years. 1917—1932. (1932). Moscow: OGIZ: State Antireligious Publishing House. 525 p. (In Russ.).

Oleshchuk, F. (1929). The first results of the socialist competition on the antireligious front. *Antireligious, 9:* 30—36. (In Russ.).

Results of the Ninth Congress of the Komsomol: Materials for speakers. (1931). Moscow: Molodaya gvardiya. 87 p. (In Russ.).

RGASPI — *Russian State Archive of Socio-Political History.* (In Russ.).

Rives, S. M. (1930). *Religiosity and antireligiousness in the children's environment.* Moscow: Worker of Education. 120 p . (In Russ.).

Russian and Soviet youth movement in documents of 1905—1937. (2002). Moscow: OMP-Press. 384 p. (In Russ.).

SB — *Union of Atheists.* (In Russ.).

Society and power. Russian province. 1917—1985: Documents and materials in 6 vols. Perm Region, 1. (2008). Perm: Bank of Cultural Inform. 683 p. ISBN 978-5-7851-0708-3. (In Russ.).

Stalin, I. V. (1949). The Year of the Great turning point: To the XII anniversary of October. In: *Essays, 12.* Moscow: State Publishing House of Political Literature. 118—135. (In Russ.).

Summer work of the city and village detachment of young pioneers. (1927). Kostroma: 2nd state type-lit. Polygraphtrest. 29 p. (In Russ.).

SVB — *Union of Militant Atheists.* (In Russ.).

The Charter of the Union of Militant Atheists. (1931). Moscow: Godless. 13 p. (In Russ.).

The Enlightener on the anti-religious front. (1929). Moscow: Worker of Enlightenment; Leningrad: [b. i.]. 115 p. (In Russ.).

The Red Army anti-religious textbook. (1931). Moscow: Atheist. 241 p. (In Russ.).

The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927—1939. Documents and materials. In 5 tt., 2. (2000). Moscow: ROSSPEN. 925 p. ISBN 5-8243-0131-X. (In Russ.).

The yearbook of a village worker for 1931. (1931). Moscow: Moskovsky rabochy. 640 p. (In Russ.).

"Top secret": Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922—1934): Sat. doc. In 10 vols., 2. (2001). Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences [et al.]. 510 p. ISBN 5-8055-0067-1. (In Russ.).

Vayyan-Couturier, P. (1935). Misfortune to be young. *Young proletarian, 11:* 1—3. (In Russ.).

Yaroslavsky, E. (1932). *Against religion and the Church: in 5 vols. The October Revolution, religion and the Church, I.* Moscow: State Antireligious. publishing house. 416 p. (In Russ.).

Yaroslavsky, E. (1929). Social competition and antireligious propaganda. *Pravda. May 1.* (In Russ.).

Zalkind, A. B. (1924). *Revolution and youth.* Moscow: Kommunistich Publishing House. un-ta im. Sverdlova. 144 p. (In Russ.).

Zamyatin, E. (1990). Soviet children. *Literary studies, 3:* 74—76. (In Russ.).

References

Alekseev, V. A. (1991). *Illusions and dogmas.* Moscow: Politizdat. 398 p. ISBN 5-250-01242-6. (In Russ.).

Andriets, U. M. (2016). Komsomol organizations as a political resource in the collectivization of agriculture in the Far East. *Russia and the Asia—Pacific Region, 1:* 250—260. (In Russ.).

Astashov, A. B. (2022). The peasant-youth world in the era of the "great turning point". *Bulletin of the Russian State University. The series "Literary studies. Linguistics. Cultural studies", 9:* 101—119. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-101-119. (In Russ.).

Bezgin, V. B., Nikolashin, V. P. (2019). The policy of collectivization and peasant resistance (based on the materials of the Kozlovsky district of the Central Chernozem region). *Nauchnyj dialog, 6:* 243—259. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-243-259. (In Russ.).

Buldakov, V. P. (2012). *Utopia, aggression, power: psychosocial dynamics of post-revolutionary time, Russia, 1920—1930.* Moscow: ROSSPEN. 756 p. ISBN 978-5-8243-1720-6. (In Russ.).

Chenskaya, T. V. (2014). Public sentiments of the Soviet peasantry in the Russian countryside in 1926—1932 on the example of the Oryol district and sources of their study (based on the materials of the OGPU department). *Scientific notes of the Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences, 4:* 40—44. (In Russ.).

Chirkov, M. S. (2019). Religion in the conditions of modernization of Russian society: Orthodoxy in the Russian village of the 1920s. In: *Traditional societies: the unknown past.* Chelyabinsk: South Ural State Humanitarian Pedagogical University. 319—325. (In Russ.).

Chistyakova, D. P. (2016). Typologization of generations according to Yu. Levada: sociocultural aspect. *Socio-economic research, humanities and jurisprudence: theory and practice, 9:* 99—103. (In Russ.).

Dianova, E. V. (2020). Antireligious education and training in Karelian schools in the 1920s. In: *State, society, Church in the history of Russia of the XX—XXI centuries: Materials of the International Scientific Conference.* Ivanovo: Ivanovo State University. 239—245. (In Russ.).

Essays on the history of the Komsomol: in search of truth: in 2 hours, 1. (1991). Saratov: Sarat Publishing House. un-ta. 195 p. ISBN 5-292-01357-9. (In Russ.).

Evdokimova, A. N., Lyapina, A. L. (2019). Forms of antireligious activity of the Union of Militant atheists in the Chuvash Republic in the 20—30s. In: *Paradigms of Russian history through the prism of biographistics (to the 140th anniversary of Alexei Ivanovich Yakovlev): collection of tr. All-Russian Scientific conference with international. participation.* Cheboksary: Chuvash Publishing House. un-ta. 172—177. ISBN 978-5-6042436-6-4. (In Russ.).

Gaylit, O. (2012). Religion in a "young" society: notes on the formation of Soviet everyday life. *Anthropological Forum, 16:* 288—308. (In Russ.).

Grishchenko, I. A. (2017). Struggle with religion as an ideological component of collectivization (according to archival materials of the Gomel region). In: *1917—2017: lessons of the century: Materials of the International scientific and historical conference.* Gomel: Belarusian State University of Transport. 304—313. (In Russ.).

Gushchin, A. A. (2017). The relationship of the Soviet government and the church in rural areas in the late 1920s — early 1930s: (Based on the materials of the Penza district of the Middle Volga region). *News of higher educational institutions. Volga region, 1:* 32—39. (In Russ.).

Ignatieva, E. A. (2020). Youth of Siberia as a mobilization resource of regional power during the "great turning point": aspects of research. In: *Reforms in the daily life of the Russian population: History and Modernity. Materials of the international scientific conference, 3.* St. Petersburg: Leningrad State University named after A. S. Pushkin. 58—63. (In Russ.).

Ippolitov, V. A. (2016). Factors of regulation of the social composition of the Komsomol in 1931—1935. *Sociodynamics, 3:* 126—136. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.3.17789. (In Russ.).

Isaev, V. I. (2002). Youth of Siberia in socio-political conflicts during the years of the "great turning point". *Youth of Russia: history and modernity, 3:* 59—62. (In Russ.).

Kabytov, P. S., Kobzev, A. V. (2020). Enganaev case: "Don't touch the earth, leave the imams, we don't need the commune..." *Center and Perefiria, 4:* 25—35. (In Russ.).

Kail, M. V. (2010). Antireligious agitation and propaganda of the 1920s: provincial practice, forms, dynamics (on the example of the Smolensk province). *Proceedings of the Smolensk State University, 1:* 205—217. (In Russ.).

Karlyavina, A. I. (2019). Antireligious caricature in the Soviet periodical press of the 1920s (based on the materials of the newspaper "Godless"). *Klio, 4:* 34—39. (In Russ.).

Kedrov, N. G. (2013). *Bast shoes of Stalinism. Political consciousness of the peasantry of the Russian North in the 1930s.* Moscow: ROSSPEN. 280 p. ISBN 978-5-8243-1815-9. (In Russ.).

Kirschenbaum, L. A. (2001). *Small Comrades: Revolutionazing Childhood in Soviet Russia, 1917—1932.* New York and London: Routledge Falmer. xi. 232 p. ISBN-10: 0815339453 ISBN-13: 978-0815339458.

Kozlov, F. N. (2013). "Women's issue" as an element of the social policy of the Soviet state in the 1920s — the first half of the 1930s (in the context of state-church relations in the national regions of the Middle Volga region). *Bulletin of the Chuvash University, 4:* 29—37. (In Russ.).

Kozlov, F. N. (2014). Youth reactions to the innovative concept of Soviet atheism: historical and psychological aspect. *PolitBook, 3:* 68—79. (In Russ.).

Kuhr-Korolev, C. (2005). "*Gezahmte Helden". Die Formierung der Sowjetjugend 1917—1932.* Essen: Klartext Verlag. 365 p. ISBN 978-3-89861-349-1.

Kurlandsky, I. V. (2011). *Stalin, power and religion (the religious factor in the internal policy of the Soviet state in 1922—1953).* Moscow: Kuchkovo Pole. 701 p. ISBN 978-5-9950-0150-8. (In Russ.).

Kuznetsov, I. A. (2013). The political culture of the peasantry and the political regime in the USSR in the 1920s—1930s. In: *State power and the peasantry in the XIX — early XXI century.* Kolomna: Moscow State Regional Socio-Humanitarian Institute. 482—484. (In Russ.).

Levada, Yu. A. (2001). Generations of the XX century: Research opportunities. *Monitoring public opinion: economic and social changes, 5:* 7—14. (In Russ.).

Levada, Yu. A. (2005). Notes on the problem of generations. In: *Fathers and children: Generational analysis of modern Russia.* Moscow: Novoe lit. review. 235—244. ISBN 5-86793-370-9. (In Russ.).

Lopatin, L. N., Lopatina, N. L. (2009). *Collectivization and dispossession: (eyewitnesses and documents testify).* Kemerovo: Axiom. 445 p. ISBN 978-5-9901476-1-4. (In Russ.).

Lopatina, N. L. (2018). Socio-cultural transformation of religious values in the USSR in the first half of the twentieth century. *Ideas and ideals, 1 (4):* 49—62. (In Russ.).

Mannheim, K. (2000). *Essays on the Sociology of Knowledge: The Problem of Generations-Competitiveness — economy. Ambitions.* Moscow: INION RAS. 162 p. ISBN 5-248-01334-8. (In Russ.).

Mead, M. (1970). *Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap.* New York: Natural History Press. 113 p. ISBN 10: 0385041128; ISBN 13: 9780385041126.

Mishchenko, T. A. (2020). The young generation in the construction of a new political identity in the 1920s in the village of the South-West of Russia. *Manuscript, 13 (10):* 34—40. (In Russ.).

Nadezhdina, V. A., Kaibusheva, P. M. (2010). *Evolution of socio-political sentiments of workers and peasantry of the Orenburg province during the years of the NEP (1921—1929).* Ufa: RIC BASHGU. 147 p. ISBN 978-5-7477-2752-6. (In Russ.).

Novoselov, A. L., Salnikova, A. A. (2020). "A priest with a fist cooked up a miracle: anti-religious propaganda on the pages of the children's magazine "Young Atheists". *Modern scientific thought, 2:* P. 84. (In Russ.).

Orlov, I. B. (2001). Slogans and realities of the "godless five-year plan". *Armageddon, 11:* 87—92. (In Russ.).

Ostrovsky, V. B. (1953). *Komsomol — assistant to the party in the struggle for the collectivization of agriculture (during the first five-year plan).* Author's abstract of PhD Diss. Saratov. 30 p. (In Russ.).

Panarin, A. A., Stetsura, Yu. A. (2012). Youth in the restructuring of agriculture in the USSR at the turn of the 20—30s of the twentieth century. *Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional Studies: philosophy, history, Sociology, law, political science, cultural studies, 2:* 56—62. (In Russ.).

Peris, D. (1998). *Storming the Heavens.* Ithaca and London: Cornell university Press. 237 p. ISBN 0 -8014-3485-8.

Pokrovskaya, T. Y. (2022). Religious memory of the peasantry in the 30s of the twentieth century in the villages of the Chernozem region of Russia. *Scientific result. Social and humanitarian studies, 8 (1):* 108—117. (In Russ.).

Ponomarev, M. V. (2009). The struggle with religion as a component of the political culture of Soviet society in the 1917—1930s (based on the materials of the Lower Volga).

Bulletin of the Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and social technologies, 2: 215—221. (In Russ.).

Razakov, R. Ch.-M. (2016). The policy of continuous collectivization in Dagestan. *Nauchnyj dialog, 11:* 304—316. (In Russ.).

Regelson, L. L. (2007). The Tragedy of the Russian Church, 1917—1945. Moscow: Publishing house of the Krutitsky metochion: About lovers of church history. 640 p. (In Russ.).

Rozhkov, A. Yu. (2014). *In the circle of peers: The life world of a young man in Soviet Russia of the 1920s.* Moscow: New Literary Review. 630 p. ISBN 978-5-4448-0216-8. (In Russ.).

Rozhkov, A. Yu. (2016). Transformation of value orientations of rural youth of Kuban in the conditions of intergenerational gap (1920s). *Voice of the past, 3—4:* 164—182. (In Russ.).

Rudyuk, O. G. (2019). The initial period of atheistic education among children and youth in the BSSR. *Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary, 1:* 126—136. (In Russ.).

Rybakov, R. V. (2016). "Socialist culture lacks some virtuous principles": from the experience of educating Soviet youth in the 1920s. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. *Questions of theory and practice, 11—1:* 122—126. (In Russ.).

Safonov, D. A. (2022). Komsomol members of the Russian province of the first draft: attitude and political activity. *History: facts and symbols, 4:* 39—57. DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-39-57. (In Russ.).

Sakharova, L. G. (2011). Features of atheistic politics among the Mari youth in the Vyatka region in the 1920s—1930s. In: *History of the peoples of Russia.* Moscow: RUDN. 331—338. ISBN 978-5-209-03617-3. (In Russ.).

Shanin, T. (2005). The history of generations and generational history. *Man. Community. Management, 3:* 6—25. (In Russ.).

Sherimet, A. G. (2022). Ideological influence in the province of the 1920s: monopolization of the process. *History: facts and symbols, 3:* 86—101. DOI: 10.24888/2410-4205-2022-32-3-86-101. (In Russ.).

Shevchenko, V. A. (2007). Soviet school: transition from non-religious education to anti-religious (1927—1929). *New Historical Bulletin, 2:* 207—213. (In Russ.).

Slezin, A. A. (2022). Rural youth of the first third of the XX century and its influence on society in the assessments of modern researchers. *Questions of History, 8—2:* 106—128. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi32. (In Russ.).

Slezin, A. A. (2023). The confrontation of peasants and Komsomol members in the spiritual sphere of the Russian village of the early 1920s. *Agrarian History, 13:* 22—42. DOI: 10.52270/27132447_2023_13_22. (In Russ.).

Soboleva, A. N. (2014). *Participation of BMASSR youth in modernization processes of the 1920s—1930s.* Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 184 p. ISBN 978-5-7925-0419-6. (In Russ.).

Stroganov, A. V. (2021). The phenomenon of women's protest in rural areas in the Moscow region during collectivization. *Power, 29 (1):* 144—149. DOI: https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7929. (In Russ.).

Stroganov, A. V. (2021). The role of the clergy in the peasant protest during collectivization. *Power, 29 (3):* 235—240. DOI: https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8189. (In Russ.).

Toporov, A. V. (2005). E. A. Tuchkov. Portrait against the background of the epoch. *Church Historical Yearbook, 4:* 239—240. (In Russ.).

Trushnovich, A. R. (2004). *Memoirs of kornilovets (1914—1934).* Moscow: Posev. 334 p. ISBN 5-85824-153-0. (In Russ.).

Viola, L. (2010). *Peasant revolt in the Stalin era: collectivization and the culture of peasant resistance.* Moscow: ROSSPEN. 366 p. ISBN 978-5-8243-1311-6. (In Russ.).

Vyazinkin, A. Yu. (2022). Generation of "revolutionary turning point" in the fate of the Russian village of the first third of the XX century: problems of historiography. *Questions of History, 7—2:* 153—165. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46. (In Russ.).

Yakovleva, Zh. V. (2020). *"March from here... The church is closed! Believers are now unbelievers!": Anti-religious campaign in the Saratov Volga region (late 1920s — early 1940s).* Saratov: Techno-Décor. 250 p. ISBN 978-5-907175-42-6-2. (In Russ.).

Yanushevich, I. I. (2017). Problems of the relationship between the Union of Atheists and the Communist Youth Union on the organization of anti-religious work (1926—1932). In: *Romanov readings — 12: collection of the International Scientific Conference.* Mogilev: Kuleshov Moscow State University. 180—181. (In Russ.).

Yashina, M. A. (2013). The role of the Union of "Atheists" in the anti-religious policy of the Soviet state in the 1920s—1930s: on the materials of the Urals. *Proceedings of the Altai State University, 4—2:* 104—108. (In Russ.).

Zlenko, I. A., Lopatin, L., Lopatina, N. (2012). *The Elder of the land of Kuznetsk: (experience of church-historical and cultural research).* Kemerovo: KemGUKI. 319 p. ISBN 978-5-8154-0244-7. (In Russ.).

The article was submitted 16.02.2023;
approved after reviewing 29.03.2023;
accepted for publication 15.04.2023.